

ЛЮСИ МОД МОНТГОМЕРИ

В ПАУТИНЕ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44
М77

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *М. Прокопьевой*
Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*
Дизайн обложки *В. Воронина*

Монтгомери, Люси Мод.
М77 В паутине : [роман] / Люси Мод Монтгомери ;
[перевод с английского М. Прокопьевой]. — Москва :
Издательство АСТ, 2026. — 384 с. — (Эксклюзивная
классика).

ISBN 978-5-17-177806-4

Семейная сага от автора книг про рыжеволосую и неуны-
вающую Энн Ширли снова вернет читателя на остров Прин-
ца Эдуарда и поведает о судьбах семейств Дарк и Пенхаллоу.

Когда глава большого клана, сумасбродная и неординар-
ная тетя Бекки, понимает, что ее жизнь подходит к концу, она
устраивает прием, где собирает все многочисленное семей-
ство, чтобы раскрыть шокирующие подробности своего заве-
щания. Так Пенхаллоу и Дарки оказываются втянуты в хитро-
сплетенную паутину из интриг, тайн, предательства, дружбы
и любви, чтобы наконец-то узнать, кому достанется драго-
ценная реликвия — старинный кувшин, о котором мечтает
каждый в их клане.

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-17-177806-4

© Перевод. М. Прокопьева, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2026

*Моим дорогим друзьям
мистеру и миссис Фред У. Райт
в память об одной неделе веселья*

Часть I

ПРИЕМ У ТЕТИ БЕККИ

Глава 1

О старом кувшине Дарков рассказано немало историй. Эта самая что ни на есть подлинная.

Из-за него в семействах Дарков — Пенхаллоу произошла уйма событий. А кое-чего *не* произошло. Как говорил дядюшка Пиппин, виной тому могло быть провидение или дьявол, который вселился в кувшин. Так или иначе, если бы не кувшин, Питер Пенхаллоу, возможно, так и продолжал бы в одиночку фотографировать львов в африканских джунглях, а Большой Сэм Дарк, скорее всего, так и не научился бы ценить красоту обнаженной женской натуры. Что до Денди и Пенни Дарков, те до сих пор радуются, что вышли из всей этой передряги без потерь.

По закону кувшин принадлежал тетушке Бекки Дарк, урожденной Ребекке Пенхаллоу. Строго говоря, большинство Дарков были урожденными Пенхаллоу, а большинство Пенхаллоу — урожденными Дарк, за исключением тех немногих, что родились Дарками или Пенхаллоу да так ими и остались. За три поколения шестьдесят Дарков и шестьдесят Пенхаллоу переженались между собой. В получившейся генеалогической паутине мог разобраться раз-

ве что дядюшка Пиппин. Даркам и Пенхаллоу, в общем-то, не на ком было жениться, кроме друг друга. Рассказывали, что раньше они бы не приняли в свои ряды никого другого. Теперь же никто не принял бы их. Во всяком случае, так утверждал дядюшка Пиппин. Но к его заявлениям следует относиться с некоторой долей скепсиса. Ни Дарки, ни Пенхаллоу еще не настолько низко пали. Это все еще был гордый, энергичный и плодовитый клан; между собой они грызлись и рубились насмерть, но перед лицом врага или какого-нибудь чужака мгновенно сплачивались, образуя единый фронт.

Главой клана в некотором роде была тетя Бекки. Если считать по старшинству, то Кросби Пенхаллоу, которому стукнуло восемьдесят семь, тогда как ей было только восемьдесят пять, мог бы оспорить ее главенство, будь у него такое желание. Но в восемьдесят семь лет Кросби Пенхаллоу заботило только одно: каждый вечер встречаться со своим старым приятелем Эразмом Дарком и играть в дуэте на флейте и скрипке, и пока у него для этого находились силы, тетя Бекки могла оставить корону клана себе, если ей так угодно.

Откровенно говоря, представители клана не особо жаловали тетю Бекки. Слишком уж она любила говорить всем в лицо то, что называла чистой правдой. А как любил повторять дядюшка Пиппин, правда хороша *к месту*, но незачем лить ее ведрами там, где ее не хотят слышать. Впрочем, с такими понятиями, как такт, дипломатия и благоразумие, не говоря уж об уважении чьих-либо чувств, тетя Бекки была незнакома. Если она хотела что-то ска-

зять, то говорила. В общем, что ни говори, а скучно с тетей Бекки никогда не было. Приходилось выносить удары и уколы в свой адрес ради удовольствия понаблюдать, как другие переносят удары и уколы, направленные на них. Поскольку тетя Бекки как свои пять пальцев знала все печальные, фантастические или ужасные истории клана, не было такой брони, которую не могли бы пронзить ее стрелы. Маленький дядюшка Пиппин утверждал, что ни за что на свете не пропустил бы ни одного из «приемов» тети Бекки.

— Она — личность, — снисходительно заметил однажды доктор Гарри Пенхаллоу, заглянув на похороны кого-то из членов клана.

— Она — чудачка, — прорычал Джон Пенхаллоу по прозвищу Утопленник, который, сам будучи тем еще чудачком, не терпел соперников.

— Это одно и то же, — усмехнулся дядюшка Пиппин. — Все вы боитесь ее, потому что она слишком много о вас знает. Уверяю вас, мальчики, только тетя Бекки и ей подобные не дают нам зачехнуть.

Уже двадцать лет все называли тетю Бекки «тетей Бекки». Однажды в почтовое отделение Индиан-Спринг доставили письмо, адресованное миссис Теодор Дарк, так новый почтальон вернул его с пометой «Адресат неизвестен». А ведь это было официальное имя тети Бекки. Когда-то у нее был муж и двое детей. Все они давно ушли в мир иной — так давно, что даже сама тетя Бекки почти их забыла. Вот уже много лет она жила в двух арендованных комнатах в Соснах — доме ее старой подруги Камиллы Джексон в Индиан-Спринг. Немало Дарков

и Пенхаллоу распахнули бы перед ней двери своих домов, ибо о своих обязанностях клан никогда не забывал, но тетя Бекки и слышать об этом не желала. Она имела собственный крошечный доходец, а Камиллой, не принадлежавшей ни к Даркам, ни к Пенхаллоу, легко было управлять.

— Я собираюсь устроить прием, — сообщила тетя Бекки дядюшке Пиппину как-то вечером, когда он зашел ее проведать.

Он прослышал, что она неважно себя чувствует, но застал ее сидящей в постели, в окружении подушек, а ее широкое, изборожденное морщинами лицо выглядело, как всегда, хитрым и насмешливым. Вряд ли с ней что-то не так. Тетя Бекки и раньше имела привычку укладываться в постель, если считала, что родня ею пренебрегает.

Обосновавшись в Соснах, тетя Бекки то и дело устраивала собрания родственников, которые называла «приемами» и о которых обычно давала объявление в местной газете: миссис Ребекка Дарк в такой-то день будет принимать у себя друзей. Всякому, кто не мог придумать железную отговорку, чтобы не явиться на прием, приходилось идти. Два часа гости выслушивали сплетни о клане, подвергаясь насмешкам и ехидным улыбкам тети Бекки, пили чай с сэндвичами и тортом, а потом шли домой зализывать раны.

— Замечательно, — сказал дядюшка Пиппин, — а то все как-то заскучали. Давненько не происходило ничего интересного.

— Вот теперь произойдет, — обещала тетя Бекки. — Я им кое-что скажу — не все, конечно, — о том,

кому достанется старый кувшин Дарков, когда меня не станет.

— Ух! — тут же заинтересовался дядюшка Пиппин. Впрочем, о хороших манерах он все же не забыл. — Но зачем сейчас об этом беспокоиться? Вы еще век проживете.

— А вот и нет, — возразила тетя Бекки. — Сегодня утром Роджер сказал Камилле, что я и года не протяну. *Мне* — заинтересованной стороне — он об этом не сказал, но я все вытрясла из Камиллы.

Ошеломленный дядюшка Пиппин ненадолго замолчал. Вот уже три дня ему мерещился звон похоронного колокола, но он никак не связал это с тетей Бекки. Никому и в голову не могло прийти, что тетя Бекки когда-либо умрет. Казалось, смерть, как и жизнь, совсем о ней забыла. Он не знал, что сказать.

— Врачи частенько ошибаются, — заикаясь, выдавил он.

— Только не Роджер, — мрачно изрекла тетя Бекки. — Полагаю, придется умереть. Ну а почему бы и нет? Нынче до меня никому нет дела.

— Что ты такое говоришь, Бекки? — с намеком на слезы произнесла Камилла. — А как же я?

— И тебе нет! Ты слишком стара. Мы с тобой обе слишком стары, чтобы о ком-то или о чем-то заботиться. Ни для кого не секрет, что ты про себя думаешь: «Когда она умрет, я смогу заваривать чай покрепче». Нет смысла закрывать глаза на правду или прикрываться сантиментами. Я пережила всех своих настоящих друзей.

— Да ну что вы, а как же я? — запротестовал дядюшка Пиппин.

Тетя Бекки повернула к нему седую старушечью голову.

— Ты! — В ее голосе сквозило презрение. — Так тебе всего шестьдесят четыре. Ты еще на свет не появился, а я уже была замужем. Если подумать, мы с тобой едва знакомы. К тому же едва ли ты мне родня. Помни, Пенхаллоу тебя усыновили. Твоя матушка всегда клялась, что ты сын Неда Пенхаллоу, но уверяю тебя, не у меня одной на сей счет возникли сомнения. Мало ли что выплывет на поверхность, Пиппин.

«Не слишком-то вежливо», — подумал дядюшка Пиппин и решил больше не навязываться тете Бекки в друзья.

— Камилла! — прикрикнула тетя Бекки. — Умоляю, прекрати реветь. На тебя смотреть больно. И так уже пришлось отослать Амбросину прочь, потому что мне невольно слушать ее завывания. Амбросина ревет по любому поводу, будь то чья-либо смерть или скисший пудинг. Но ее можно простить. Для нее это единственное развлечение в жизни. Я готова умереть. Я испытала в жизни почти все, что возможно испытать, — о да, я осушила чашу до дна. Но я намерена умереть пристойно и в нужное время. Собираюсь устроить последнее большое собрание. О дате будет объявлено в газете. Но на угощение не рассчитывайте — захотите поесть, приносите с собой. На смертном одре я не стану утруждать себя подобными глупостями.

Дядюшку Пиппина постигло истинное разочарование. Будучи вдовцом, он жил один и питался кое-как, а потому очень любил обеды и ужины у род-

ственников. А тут нате вам: тетя Бекки собирается устроить прием без угощения... Как-то совсем уж негостеприимно. Разумеется, такое никому не понравится, и тем не менее все придут. Дядюшка Пиппин хорошо разобрался как в Дарках, так и в Пенхаллоу. Всем до последнего не терпится узнать, кому достанется старый кувшин Дарков. Каждый считает, что унаследовать кувшин должен именно он (или она). Кстати, Даркам всегда было не по нраву, что им владеет тетя Бекки. Она всего лишь Пенхаллоу. Кувшин должен принадлежать урожденному Дарку. Но старый Теодор Дарк в завещании четко указал, что оставляет его своей горячо любимой супруге, и с этим пришлось смириться. Она могла распоряжаться кувшином, как пожелает. А за все восемьдесят пять лет ее жизни никто ни разу не сумел предсказать, как тетя Бекки поступит в том или ином случае.

Дядюшка Пиппин забрался в свою так называемую двуколку, запряженную смирной белой кобылой, и поехал по узкой, тихой красной проселочной дороге, что вела из Индиан-Спринг в Бэй-Сильвер. На его маленьком морщинистом лице, поразительно напоминавшем печеное яблоко, играла довольная ухмылка и лукаво блестели ярко-синие, на удивление молодые глаза. Забавно будет наблюдать за плясками клана вокруг кувшина. Истинное удовольствие для того, кто не был в числе основных претендентов. Дядюшка Пиппин понимал, что у него самого нет никаких шансов получить кувшин. Он был в лучшем случае лишь четвертым кузенком, а если допустить то сомнительное происхождение, над которым насмеялась тетя Бекки...

— Сдается мне, старая леди собирается выкинуть что-нибудь эдакое, — сказал дядя Пиппин своей белой кляче.

Глава 2

Несмотря на отсутствие угощения, на «приеме» тети Бекки собрались все Дарки и все Пенхаллоу, кто по праву рождения, брака или усыновлению мог попасть туда. Даже старуха Кристиана Дарк, мучимая ревматизмом и много лет нигде не бывавшая, заставила зятя отвезти ее на телеге молочника через лес за Соснами.

Складные двери, разделявшие две комнаты тети Бекки, были распахнуты, гостиная заставлена стульями, а она сама с горящими глазами, как у кошки, готовилась принять гостей, сидя на большой старой кровати орехового дерева под обширным балдахинном с пожелтевшей тюлью. Тетя Бекки спала на этой кровати с первого дня замужества и намеревалась в ней же и умереть. Несколько женщин клана давно положили глаз на старинную кровать, и каждая надеялась, что та достанется ей; однако сейчас никто даже помыслить не мог о чем-то, кроме кувшина.

Тетя Бекки отказалась наряжаться ради гостей. Сказала Камилле, что ей лень, не больно-то они этого и заслуживают. Посему гостей она принимала по-королевски, в старом, выцветшем красном свитере, плотно облежавшем ее дряблую шею, а седые волосы были закручены в тугий узел на макушке. Но кольцо с бриллиантом она все же надела и заставила возмущенную Амбросину слегка подрумянить ей щеки.

— В вашем возрасте это непристойно, — возражала накануне Амбросина.

— Пристойность — это скучно, — огрызнулась тетя Бекки. — Наши пути с ней давно разошлись. Делай, как тебе говорят, Амбросина Винкворт, и получишь награду. Не хватало еще, чтобы дядюшка Пиппин сказал: «У старушки *когда-то* был хороший цвет лица». Накладывай румяна как следует, погуще, Амбросина. Пусть не думают, что могут командовать мной, а наверняка так и было бы, застань они меня бледной и осунувшейся. Боже мой, Амбросина, как же я жду этого вечера! Последний раз в этой жизни смогу поразвлечься и не собираюсь лишать себя такого удовольствия, Амбросина. Все эти гарпии заявятся лишь для того, чтобы узнать, какой лакомый кусочек сумеют урвать. Ну они у меня и попляшут!

В последнем все Дарки и Пенхаллоу ничуть не сомневались, и каждый вновь прибывший подходил к кровати орехового дерева с мучительным тайным ожиданием, что тетя Бекки непременно спросит у него что-нибудь особенно неприятное. Дядюшка Пиппин приехал одним из первых, прихватив с собой несколько пачек любимой жевательной резинки, и выбрал стул возле раздвижных дверей — отсюда он мог видеть всех гостей и слышать все, что говорила тетя Бекки. Свою награду он уже получил.

— Ах, значит, это ты сжег свою жену, — обратилась тетя Бекки к Стэнтону Гранди, высокому худощавому чужаку, который давным-давно был женат на Робине Дарк и после ее смерти кремировал тело покойной. Клан ему этого так и не простил,